

МАРК СОЛОНИН

**ДРУГАЯ
ХРОНОЛОГИЯ
КАТАСТРОФЫ
1941**

ПАДЕНИЕ «СТАЛИНСКИХ СОКОЛОВ»

Марк Семенович Солонин
Другая хронология
катастрофы 1941. Падение
«Сталинских соколов»
Серия «Великая Отечественная
война. Особое мнение»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2691275
ДРУГАЯ хронология катастрофы 1941. Падение «Сталинских соколов» / Марк Солонин: Яуза, Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-00155-224-6

Аннотация

ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСТСЕЛЛЕРА «НОВАЯ ХРОНОЛОГИЯ КАТАСТРОФЫ»! Итог масштабного исследования разгрома 1941 года. Истинные причины сокрушительного поражения советской авиации в начале войны. Тысячи страниц первичных документов из строго засекреченных ранее архивных фондов. Уникальные карты дислокации аэродромов ВВС Красной Армии. Опровержение ключевых сталинских мифов о Великой Отечественной. Подлинная хронология грандиозной битвы в

воздухе, скрупулезно восстановленная по документам обеих сторон.

Был ли первый удар Люфтваффе неожиданным и уничтожающим, а потери советской авиации так велики, как утверждает кремлевская пропаганда? Куда исчезли небесные армады Сталина и предвоенные планы немедленного завоевания господства в воздухе? Почему на приграничных аэродромах навсегда замерли сотни и тысячи красnozвездных самолетов, так и не вступивших в бой? Книга Марка Солонина окончательно закрывает вопросы, многие десятилетия остававшиеся в эпицентре ожесточенных споров.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1	6
1.1. «О боевых действиях войск с 18 по 23 июня...»	7
1.2. Первый удар	37
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Марк Солонин
ДРУГАЯ хронология
катастрофы 1941. Падение
«СТАЛИНСКИХ СОКОЛОВ»

© Солонин М.С., 2020

© ООО «Яуза-Каталог», 2020

Глава 1

Унесенные бурей

Прибалтийский военный округ с момента формирования (август 1940 г.) назывался «особым». Во многих аспектах особой, уникальной стала и история боевых действий в Прибалтике. Рассмотрение событий войны в воздухе мы начнем с краткого обзора того, что в июне 41-го происходило на земле.

1.1. «О боевых действиях войск с 18 по 23 июня...»

Северо-Западный фронт, который предстояло развернуть на базе войск ПриБОВО, был единственным, перед кем в предстоящей войне против Германии (по крайней мере – на начальном этапе войны) ставились сугубо оборонительные задачи. Дорога от Риги и Вильнюса на Берлин была бы крайне тяжелой: оборонительные укрепления Восточной Пруссии, строившиеся веками, дремучие Августовские леса, затем – печально памятные еще по Первой мировой войне озера и болота Мазовии, полноводные Висла и Одер в их нижнем течении. На такой местности Красная Армия с неизбежностью теряла свой главный «козырь» – многотысячную орду легких танков. Уже в сентябрьском (1940 г.) варианте Плана стратегического развертывания Красной Армии были отмечены *«сложные природные условия Восточной Пруссии, крайне затрудняющие ведение наступательных операций»* и *«исключительная подготовленность этого театра для обороны и особенно в инженерном и дорожном отношениях»*. На основании чего был сделан следующий вывод: *«Возникают опасения, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям, свяжет наши главные силы и не даст нужного и быстрого эффекта»*. (1)

Вывод о бесперспективности наступления из Прибалтики

через Восточную Пруссию к Висле был проверен и подтвержден в ходе январской (1941 г.) оперативно-стратегической Игры на картах¹. В результате в мартовском (1941 г.) варианте Плана стратегического развертывания Красной Армии задача Северо-Западного фронта была ограничена лишь следующим: *«Прочной обороной и сковыванием сил противника от Мемеля (ныне Клайпеда) до Остроленки обеспечить основные операции центра»*. (2) Такие же, чисто оборонительные, задачи были поставлены перед фронтом и в майском (1941 г.) варианте Плана: *«Упорной обороной прочно прикрыть Рижское и Виленское направления, не допустив вторжения противника из Восточной Пруссии»*. (3)

Другой уникальной особенностью Прибалтийского ОВО стала не объяснимая логически сохранность (доступность,

¹ Вопреки повторенной бесконечное число раз лжи, события Игры не имели ничего общего с реально состоявшимся разгромом войск Западного и Северо-Западного фронтов в июне 1941 г. В ходе Игры отрабатывалась наступательная операция, главные события которой развернулись к западу от границ СССР: «восточные» заняли район «сувалкского выступа», часть Восточной Пруссии до реки Преголя, успешно форсировали р. Нарев и пытались окружить «западных» между Инстербургом и Алленштайном (ныне Черняховск и Ополе). В дальнейшем наступление «восточных» захлебнулось, а «западные», которыми в ходе Игры действительно командовал Г. Жуков, ударом на Ломжа и Замбрув окружили часть сил «восточных» к западу от р. Нарев. Задачи, поставленные перед «восточными» по заданию Игры, выполнены не были, однако ничего, даже отдаленно похожего на прорыв немцев к Вильнюсу, Барановичам и Минску, в Игре не произошло, максимальная глубина продвижения «западных» на советскую территорию не превышала 20—30 км. Обо всем этом подробно, с опорой на реальные документы, написал полковник Бобылев еще 17 лет назад. (4)

рассекреченность) документов командования округа и его войсковых соединений за последние предвоенные дни. Ничего подобного по другим округам/фронтам не наблюдается, доступные историкам оперативные документы как заговоренные начинаются с 22 июня (или еще более поздних дат). В порядке очень зыбкой гипотезы можно предположить, что это связано как раз с тем, что войскам других округов (Западного, Киевского, Одесского) с первых же дней войны предстояло решать отнюдь не оборонительные задачи и их архивные фонды в большей степени подверглись засекречиванию и «зачистке».

Как бы то ни было, но начиная с 18—20 июня (т.е. в середине календарного года и за 3—4 дня до «внезапного нападения») в архивных фондах ПриБОВО начинают появляться оперативные документы (приказы, боевые донесения, оперативные и разведывательные сводки) с номерами 1, 2, 3...

«Оперативная сводка 1, штадив-48, лес 0,5 км вост. ст. Далбе

1. Выполняя приказ, дивизия начала марш из г. Рига в 23.00 17.6.41 и, совершив ночной марш (30 км), к 9.00 18.6.41 сосредоточилась в лесу юго-восточнее с. Далбе...» (5)

«Боевое донесение № 2, штадив-48, лес юго-западнее ст. Далбе, 9.10 18.6.41 г.

Дивизия, выполнив задачу дня, сосредоточилась к 9.00

18.6.41 в районе лес юго-западнее ст. Далбе...» (6)

«Начальникам отделов штаба и окружных управлений.

Сообщаю для сведения, что штабам армий даны указания по предоставлению срочных донесений по следующим срокам:

а) Оперативные сводки к 7.00 по состоянию на 5.00, 14.00 по состоянию на 12.00, 19.00 по состоянию на 17.00... Зам. начальника штаба генерал-майор Трухин. 20 июня 1941 г. № 01 (тип документа не обозначен. – М.С.)». (7)

«Разведдонесение № 01 к 14.00 21.6.41, штаб СЗФ, Паневежис

Достоверными данными по состоянию на 18.6.41 установлено...» (29) Донесение подписал заместитель начальника РО штаба округа, но адресовано оно начальнику штаба ВВС фронта!

Разведсводка № 02 к 20.00 21.6.41, штаб ПрибОВО, Паневежис

По данным, заслуживающим доверия, продолжается сосредоточение немецких войск в Восточную Пруссию...» (8)

Оперсводка № 01 к 22.00 21.6.41, штаб ПрибОВО, лес 12 км с-в Паневежис

Первое. Части и соединения Прибалтийского особого во-

енного округа в пунктах постоянной дислокации занимаются боевой и политической подготовкой...» (9)

*Приказание по СУВ № 01 штаб СЗФ, Паневежис, 12.00
21.6.41*

- 1. Шифросвязь осуществлять согласно особым указаний.*
- 2. Кодированную связь не применять.*
- 3. Для маскировки несекретных переговоров и вызова начсостава для переговоров по техническим средствам связи применять: а) в сети ШТАФРОНТ – ШТАРМ переговорную таблицу ОПТ-2...» (10)*

СУВ – это «скрытное управление войсками». Самое примечательное в этом документе даже не номер 01 посреди года, а то, что поверх букв «СЗФ» и «ФРОНТ», выполненных, как и весь документ, на печатной машинке, коричневым карандашом (возможно, 70 лет назад он был красным) жирно написано: «ОКР». Исправлена и подпись под документом – начальник штаба СЗФ генерал-лейтенант Кленов «перекрашен» тем же карандашом в начальника штаба «ОКР». Для того чтобы все это увидеть, даже не обязательно ехать в Подольск, в Центральный архив МО, – электронная копия документа представлена для всеобщего обозрения на сайте «Подвиг народа».

Через несколько часов, в 16.45 21 июня, от имени начальника штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенанта П.Кленова (фактически документ подписал начальник Опе-

ративного отдела штаба генерал-майор Ф.Трухин) всем начальникам отделов штаба и окружных управлений было под расписку объявлено следующее распоряжение:

«Некоторые штабы частей и отделы окружного управления в документах и разговорах употребляют слова «ФРОНТ», СЗФ и пр., чем разглашают место и наличие фронтового управления. Немедленно прекратить это явление и впредь штаб и управления именовать ПрибОВО». (11)

О наличии фронтового управления, **созданного за несколько дней ДО «внезапного нападения»**, можно догадаться уже по одному только появлению документов с номерами 1, 2, 3 посреди года. Не менее примечательно и требование предоставлять по три Оперсводки в день (в мирное время так не бывает), и появление документов с названием «боевое донесение». Однако документ, процитированный выше, чрезвычайно важен другим – он показывает, что смысл и значение развертывания на базе округа фронта был вполне ясен причастным к этому командирам; они отчетливо понимали, что это значит и почему такую тайну нельзя доверить даже бумагам, украшенным грифами «Секретно», и телефонным линиям шифрованной связи. Запредельная конспирация дошла до того, что 21 июня 1941 г. начальник Управления политпропаганды Прибалтийского ОВО товарищ Рябчий приказал: *«Отделам политпропаганды корпусов и дивизий письменных директив в части не давать; задачи политработы ставить устно через своих представи-*

телей». (31)

Стоит обратить внимание и на место нахождения штаба новоявленного фронта. По меньшей мере с 21 июня (штаб ВВС находился там уже с вечера 20 июня) – это лес северо-восточнее г. Паневежис. Именно там в соответствии с Планом прикрытия и должен был находиться штаб Северо-Западного фронта *«через 6 часов после начала войны или объявления мобилизации»*. (12) Какое же из этих двух событий произошло за 6 часов до перемещения штаба новообразованного фронта из Риги в лес у Паневежиса? Мобилизация (открытая мобилизация) была объявлена Указом Президиума ВС СССР даже не с 22, а с 23 июня. Может быть, для тайно созданного Северо-Западного фронта война началась за несколько дней до утра 22 июня?

Согласен, такое предположение выглядит дешевой «конспирологией», однако на первой странице документа, хранящегося в ЦАМО (фонд 221, опись 1351, дело 201), мы можем прочесть такой вот невероятный текст: *«Из журнала боевых действий войск Северо-Западного фронта об обстановке, положении и боевых действиях войск с 18 по 23 июня 1941 г.»*. А на следующей странице этого документа первый интервал времени в описании «боевых действий» обозначен как *«18.21.6»*. И этот документ доступен в весьма качественной электронной копии для всех желающих...

Не менее красноречивым является и содержание документов штабов ПриОВО, выпущенных со «старой», много-

значной нумерацией. Вот, например, приказ командира 12 МК генерал-майора Шестопалова № 0033 от 18 июня 1941 г. Документ украшен грифом «Совершенно секретно. Особой важности», что для документов корпусного уровня является большой редкостью. Приказ № 0033 начинается такими словами: *«С получением настоящего приказа привести в боевую готовность все части. Части приводить в боевую готовность в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять... С собой брать только необходимое для жизни и боя...»* Далее идет указание начать в 23.00 18 июня выдвижение в районы сосредоточения, причем все конечные пункты маршрутов находятся в лесах! (13)

В тот же богатый событиями день 18 июня командующий ПриБОВО генерал-полковник Ф.И. Кузнецов подписывает пространный, многостраничный Приказ № 00229. Там, в частности, сказано:

«...Начальнику зоны противовоздушной обороны к исходу 19 июня 1941 г. (здесь и далее подчеркнуто мной. – М.С.) привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа... К 19.6.41 г. доложить порядок прикрытия от пикирующих бомбардировщиков крупных железнодорожных и грунтовых мостов, артиллерийских складов и важнейших объектов.

До 21.6.41 г. совместно с местной противовоздушной обороной организовать: затемнение городов Рига, Каунас,

Вильнюс, Двинск, Митава, Либава, Шауляй, противопожарную борьбу в них... Не позднее **утра 20.6.41 г.** на фронтовой и армейские командные пункты выбросить команды с необходимым имуществом для организации на них узлов связи... Наметить и изготовить команды связистов, которые должны быть готовы к **утру 20.6.41 г.** по приказу командиров соединений взять под свой контроль утвержденные мною узлы связи... Определить на участке каждой армии пункты организации полевых складов противотанковых мин, взрывчатых веществ и противопехотных заграждений. Указанное имущество сосредоточить в организованных складах к **21.6.41 г.**... Создать на телийском, шауляйском, каунасском и калварийском направлениях подвижные отряды минной противотанковой борьбы. Для этой цели иметь запасы противотанковых мин, возимых автотранспортом. Готовность отрядов **21.6.41 г.**... План разрушения мостов утвердить Военным Советам армий. Срок выполнения **21.6.41 г.**... Отобрать из частей округа (кроме механизированных и авиационных) все бензоцистерны и передать их по 50% в 3-й и 12-й механизированные корпуса. Срок выполнения **21.6.41 г.**... До **23.6.41** доснабдить части всем положенным по табелям...» (14)

Не отставали от пехоты и авиационные части Прибалтийского округа. В донесении «О боевой деятельности 86-й авиабазы с 22.6 по 28.6» читаем: «20 и 21 6.41. Постройка оборонительных сооружений по плану обороны. **21.6.41 в**

22.00 занятие оборонительных сооружений составом полка и базы для обороны аэродрома. Окончание работ по засыпке и зарывке ГСМ, хранившегося в бочках...» (30) Доклад «О проделанной работе 213-й авиабазы с 17.6 по 28.6.41 г.» вполне буднично констатирует: «*При объявлении боевой тревоги к исходу дня 21.6.41 г.* (подчеркнуто мной. – М.С.) *на оперативном аэродроме Кармелава было сосредоточено следующее имущество...*» (34)

Просто удивительно, как советские историки/пропагандисты, сочинившие и растиражировавшие миф про наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова, который якобы «не побоялся нарушить запрет Сталина и привел накануне войны флот в боевую готовность», не обронили ни одного доброго слова про аналогичный «подвиг» генерала Ф.И. Кузнецова. Или разнарядка была на один миф про одного Кузнецова? В любом случае никаких «запретов Сталина» командующий ПрибОВО не нарушал, скорее наоборот – в меру своего понимания и организационных способностей подчиненных пытался выполнить полученные им указания.

11 июня 1941 г., ровно за неделю до того, как в ПрибОВО начались события, на военном языке именуемые «оперативное развертывание войск», командующий ПрибОВО Ф.И. Кузнецов и член Военного совета округа П.А. Диброва оказались в Москве. И не просто в Москве, а в кабинете Сталина, где в тот момент находились: заместитель главы правительства и нарком иностранных дел Молотов, нарком оборо-

ны Тимошенко, начальник Генштаба Жуков, нарком госбезопасности Меркулов, начальник Главпура Запорожец. Едва ли такое мероприятие можно назвать «совещанием» – Кузнецов и Диброва находились не на той ступеньке административной лестницы, чтобы давать «советы» высшему военно-политическому руководству страны; скорее всего, это был инструктаж, причем достаточно подробный (он продолжался с 21.55 до 22.55).

Необходимо отметить, что с 24 мая (того загадочного дня, когда в кабинете Сталина – в первый и единственный раз за весь 41-й год – были собраны командующие, ЧВС и командующие авиацией всех пяти западных приграничных округов) и до начала войны именно и только ПриОВО стал тем округом, командование которого имело встречу со Сталиным. Этому странному факту можно дать множество различных интерпретаций, например: встречи (инструктажи) с командованием наиболее значимых в запланированной стратегической операции фронтов (Юго-Западного и Западного) были запланированы на более поздний (т.е. максимально приближенный ко дню начала вторжения в Европу) срок; начавшаяся «вероломным» нападением Германии война смешала все календарные планы, и эти встречи так никогда и не состоялись (командующий Западным фронтом генерал армии Павлов будет расстрелян, командующий Юго-Западным фронтом Кирпонос погибнет в Киевском «котле»).

Прибалтийский ОВО географически располагался на «освобожденных от ига капитала» территориях. В этом-то ничего уникального нет – войска всех пяти западных приграничных округов полностью или частично разворачивались на аннексированных в 1939—1940 гг. землях. Однако только в Прибалтике было принято и реализовано в высшей степени странное решение: включить в состав войск округа шесть дивизий (три корпуса), сформированных на базе войск ликвидированных государств (Эстонии, Латвии и Литвы). Ничего подобного более нигде не было, и трудно себе представить «польскую дивизию» в составе КОВО или «финскую бригаду» в Ленинградском ВО. И ведь что интересно – ровно за 13 месяцев до расстрела Д.Г. Павлов предостерегал высшее командование от такого опрометчивого шага:

«Существование на одном месте частей Литовской, Латвийской и Эстонской армий считаю невозможным. Высказываю следующие предложения:

Первое. Армии всех 3-х государств разоружить и оружие вывезти в Советский Союз.

Второе, или после чистки офицерского состава и укрепления частей нашим комсоставом, допускаю возможность на первых порах – в ближайшее время – использовать для войны части Литовской и Эстонской армий вне Белорусского ОВО, примерно – против румын, афганцев и японцев. Во всех случаях латышей считаю необходимым разоружить полностью...» (15)

Павлова не послушали. В результате уже в первые часы войны (в 9.35 22 июня 1941 г.) командующий ПрибОВО докладывает наркому обороны СССР, что он вынужден был поручить 5-й танковой дивизии *«прикрывать тыл 11-й Армии от литовцев»*, а «национальные» 179, 181, 183, 184-я стрелковые дивизии *«абсолютно ненадежны»*. (16) Странно. Что помешало сделать такой, правильный, вывод хотя бы в 9 часов вечера предыдущего дня? Впрочем, есть основания предположить, что главной проблемой стала не необходимость срочного вывода «национальных» дивизий из зоны боевых действий и даже не вооруженный мятеж, начавшийся в первые же дни войны в Каунасе, Риге и других городах Прибалтики. Самый тяжелый удар по политморсосу («политико-моральное состояние») войск ПрибОВО нанес сам факт их годовичного (а некоторые части и соединения находились там аж с октября 1939 г.) пребывания на территории «буржуазных государств».

На красноармейцев из разоренных «коллективизацией» российских деревень ошеломляющее впечатление производили даже магазины в таком провинциальном захолустье Восточной Европы, как Белосток, Брест, Ковель, Кишинев... Но Прибалтика 30-х годов – это совсем не Кишинев. Нельзя не признать, что под руководством жестких авторитарных режимов молодые государства Балтии добились огромных экономических успехов, а такие страны, как Латвия и (в меньшей степени) Эстония, по уровню и качеству жизни

населения вышли на очень достойный западноевропейский уровень. Показать это бойцам и командирам Красной Армии было большой политической ошибкой. Чахлые ростки «большевистской сознательности» не выдержали такого удара:

«К нам на постой определили офицера с женой. То ли старший лейтенант, то ли капитан. Сейчас не помню, как, впрочем, и его фамилию. Звали его Николаем. Молодые и симпатичные люди. Этот офицер получал денежный оклад в тысячу рублей, которые в первые месяцы приравняли к лату в соотношении один к одному. При средней тогда зарплате рабочего 80 лат в месяц Николай практически получал целое состояние при полном изобилии товаров в магазинах. Когда он шел домой со службы, то по дороге забежал в кондитерскую и за 1 рубль (лат) покупал коробочку с двадцатью пирожными. Большие пяти-шести они с женой, естественно, съесть не могли, а на завтра оставлять не имело никакого смысла. Так они оставшимися пирожными кормили наших кур (мама очень ругала их за это)...

Жена Николая, как и все жены советских командиров, скупала мужские и женские часы, изделия из золота и камней и везла их в СССР, в город Киев, где таких товаров уже и в помине не было, а продать их можно было за любые деньги. Обратно она привозила наличные, и все повторялось в геометрической прогрессии... Через несколько месяцев обе свои комнаты и коридор квартиранты заставили фанер-

ными ящиками с самыми различными товарами. Скупалось все подряд: обувь на все времена года и на всю оставшуюся жизнь, кожаные и драповые пальто и куртки, мануфактура рулонами, мужские костюмы и женские платья немерено, постельное и нательное белье неслитано. А в магазинах товары все не убывали...»

Эти воспоминания своего отца, уроженца городка Карсва (Латвия), прислал мне мой тезка Марк Гейденрейх. Вот еще один фрагмент воспоминаний, от другого ветерана:

«Наш полк был расквартирован в Либаве (Лиенае). Дали шикарную квартиру, можно сказать, апартаменты, а мебели никакой. Пошли с женой покупать. Зашли в магазин, а там такой выбор, что глаза разбегаются. Сначала подумали, что очень дорого и не хватит денег расплатиться. Приценились. Копейки, а не цена. Выбрали пятикомнатный гарнитур из карельской березы. Расплатились, и буквально тут же грузчики привезли и по всей квартире расставили. Не прошло и месяца, как жена моя, гуляя по городу, зашла опять в этот же мебельный и увидела такую роскошь из красного дерева, что не удержалась и купила. Прихожу со службы, а по всему дому стоит новая шикарная мебель. На свой вопрос: «Куда делась старая?» – получил вполне логичный ответ: «Грузчики на помойку вынесли...»

Разумеется, партийно-воспитательная работа с личным составом не утихала ни на день, но внушить красноармейцам, что они должны отдать свою единственную жизнь ради

того, чтобы «освободить» еще какую-нибудь страну от пирожных и гарнитуров, становилось все труднее. Начало войны в Прибалтике в воспоминаниях Гейденрейха выглядит так:

«Из дома я ушел рано утром, толком не попрощавшись с родными, в первый же день войны. Мы погнали большое стадо коров на восток. Организовал нас майор НКВД Блинов. Часа в три утра ему позвонил его родной брат, служивший на границе, и сообщил, по все еще прекрасно работающей связи, что немцы, не встретив никакого сопротивления, через них уже прошли. «Жди, брат, скоро будут у вас». Вот таким образом вся Карсава о начавшейся войне и узнала. Приблизительно через час налетели немецкие бомбардировщики и разбомбили узлы связи и мост в километре от дома. Никакого приказа Блинов ни от кого не получал, но решил хоть что-то спасти от немцев...

Выдали нам каждому по винтовке и по десять патронов, научили заряжать, собирать, разбирать, чистить. Дошли до границы с СССР (РСФСР) в Гольшицево. Там жуткий бардак. Граница-то с «братской Латвией» весь этот год была закрыта, а приказ открыть ее не поступил. Майор за пистолет: «Мать вашу так, скот племенной на восток гнать надо!» – а у пограничников тоже винтовки имеются. В конце концов начальство покумекало и приказало привести колхозников из ближайшей деревни – забрать скот.

Это был какой-то ужас! Несмотря на жаркий летний

день, пришли мужики и бабы в грязных, рваных ватниках. На ногах какие-то опорки, лапти. Невозможно отличить мужчин от женщин. Лица черные, жеванные, с беззубыми, ввалившимися ртами. От всех жутко смердит. Многие пьяны. Курят вонючий самосад, заворачивая его в газету. Ничего подобного, такой нищеты и рабства, мы в жизни не видели. Это были люди не из другой страны – с другой планеты. На нас, на только что начавшуюся войну и на этих коров им было абсолютно наплевать. Они лютой ненавистью ненавидели «собственных», т.е. колхозных, коров, сам колхоз, товарища Сталина и его «советскую власть», которая довела их до такой жизни...

К тому времени немцы перекрыли главную дорогу Варшава – Ленинград, и обезумевшая от страха толпа бросилась на нашу погранзаставу. Толпа эта состояла из партийных работников всех уровней и уцелевших руководителей НКВД и милиции. Это я, как свидетель, категорически заявляю. Драпала вся эта свора с такой потрясающей силой, что смяла границу, как будто пограничников там никогда и не было...»

Конечно, воспоминания одного из рядовых свидетелей событий могут быть названы «предвзятыми», «односторонними», «нетипичными». Однако описанное выше вполне совпадает с записью от 23 июня 1941 г. в Журнале боевых действий (ЖБД) немецкой Группы армий «Север»: «В течение целого дня противник уклонялся от боя и под прикрыти-

ем более или менее сильных арьергардов продолжал отход». (59) В тот же день, 23 июня, отнюдь не «рядовой», а начальник Генерального штаба вермахта генерал-полковника Ф.Гальдер записывает в своем знаменитом дневнике:

«Местные переброски наземных войск и авиации [противника] являются вынужденными и предприняты под влиянием продвижения наших войск, а не представляют собой организованного отхода с определенными целями. О таком организованном отходе до сих пор как будто говорить не приходится. Исключение составляет, возможно, район перед фронтом группы армий «Север», где, видимо, действительно заранее был запланирован и подготовлен отход за реку Западная Двина. Причины такой подготовки пока установить нельзя». (17)

Не будем слишком строги к «битому гитлеровскому генералу». Наши советские историки и за полвека не смогли установить «причины такой подготовки»...

26 июня 1941 г., пройдя за четыре дня 300 км, 56-й моторизованный (танковый) корпус Манштейна захватил Даугавпилс (Двинск) и мост через Даугаву (Западную Двину). К концу июня стратегический рубеж реки Даугава был взят немцами на всем протяжении от Даугавпилса до Риги. Задача, которую по условиям предвоенных командно-штабных игр «западные» должны были решить за месяц (и что «восточные» им – по результатам тех же «игр», – конечно же, не позволили), на практике была решена за неделю. Упорное

сопротивление разрозненных частей и подразделений 2-й танковой дивизии, 9-й противотанковой артбригады, 12-го и 21-го мехкорпусов смогло лишь на несколько дней или часов затормозить на ряде направлений триумфальный марш вермахта по Прибалтике. Что же касается штаба Северо-Западного фронта, то он уже 29 июня «перевелировался» в Псков и 5 июля – в Новгород.

26 июня в районе Даугавпилса сдался в плен начальник Оперативного отдела штаба С-З.ф. генерал-майор Трухин (в дальнейшем Трухин активно сотрудничал с немцами, возглавил штаб власовской «армии» и закончил свою жизнь на виселице 1 августа 1946 года). Начальник штаба фронта генерал-лейтенант Кленов и командующий ВВС фронта генерал-майор Ионов были арестованы летом 41-го и позднее расстреляны. 5 июля 1941 г. за подписью вступившего в исполнение обязанностей начальника штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенанта Ватутина (накануне войны – начальник Оперативного управления, заместитель начальника Генштаба Красной Армии) вышла «Инструкция по борьбе с танками противника», в которой предписывалось *«заготавливать грязь-глину, которой забрасывают смотровые щели танка»*. (18) Кидаться грязью и глиной предстояло войскам фронта, который – по вполне официальным данным современных российских военных историков – с 22 июня по 9 июля 1941 г. смог потерять 2523 танка, 3560 орудий и минометов, 341 тыс. единиц стрелкового оружия. (19,

В составе ВВС Прибалтийского ОВО (будущего Северо-Западного фронта) накануне войны было 5 авиадивизий. Четыре из пяти дислоцировались в полосе от границы до р. Даугава, т.е. на территории Литвы и Юго-Западной Латвии. В глубине территории округа, в Эстонии, на расстоянии в 500—600 км от границы находилась 4-я смешанная (по фактическому составу – скорее бомбардировочная) авиадивизия. Сразу же отметим, что никакого «базирования авиации у пограничных столбов» не было и в помине. Основные силы авиации ПрибОВО были сравнительно равномерно размещены в 300-км полосе от границы до реки Даугава. Лишь два (из 58) аэродрома – Немакшай и Перлоя – находились ближе 50 км от границы.

Напротив, противник – так же как и на других участках Восточного фронта – использовал весьма малое число аэродромов² и максимально приблизил свою авиацию к зоне будущих боевых действий. Его истребительные группы базировались не далее 15—20 км от границы, а группа II/JG-27 на аэродроме Бержники (Berzniki) в «сувалкском выступе» действительно находилась в нескольких километрах от «пограничных столбов» и теоретически могла быть подвергнута

² Так, например, на аэродроме Сувалки базировались три (!) авиагруппы: I/ZG-26, II/ZG-26 и III/KG-3, 118 самолетов на одном аэродроме; также три группы (все истребительные: III/JG-27, II/JG-52, III/JG-53), 117 «мессеров» базировались на аэродроме Соболево (15 км к юго-востоку от Сувалок).

обстрелу обычной дивизионной артиллерии. Даже бомбардировочные эскадры в Восточной Пруссии разворачивались не далее 20—30 мин. полета на крейсерской скорости от границы: KG 76 в районе Gerdauen (ныне поселок Железнодорожный), 120 км до границы и KG 77 в районе Heiligenbeil (ныне Мамоново), 160 км до границы.

По самой минимальной оценке (не считая формирующиеся «двухсотые» авиаполки и не учитывая наличие в районе Новгорода 1-го авиакорпуса дальней авиации, т.е. двух авиадивизий, на вооружении которых числилось 274 бомбардировщика), группировка советских ВВС в Прибалтике насчитывала **17 авиаполков (8 бомбардировочных, 8 истребительных, 1 штурмовой), 790 боеготовых экипажей, не менее 870 исправных боевых самолетов** (340 бомбардировщиков, 530 истребителей и штурмовиков). Что совсем немало – не только в сравнении с численностью противника (1-й Воздушный флот Люфтваффе, 8 авиагрупп, порядка 350 боеготовых самолетов), но и в сравнении с силами авиации других приграничных округов. В частности, ВВС ПрибОВО по всем количественным показателям превосходили ВВС Одесского округа, перед войсками которого в будущей войне ставились отнюдь не оборонительные задачи.

Несколько утрируя, можно сказать, что ВВС ПрибОВО были «непропорционально велики» по отношению к весьма скромным оборонительным задачам, поставленным перед войсками округа. Эта «непропорциональность» может

быть объяснена как общей иррациональностью многих принятых накануне войны решений, так и вполне осознанным намерением создать у границ с Восточной Пруссией «дальний рубеж» противовоздушной обороны Ленинграда – важнейшего на тот момент центра военной промышленности СССР.

Боевой состав и дислокация ВВС ПриБОВО представлены в нижеследующей таблице 1:

Таблица 1

4-я САД 108б.+ 43и., 184 эк.	35-й БАП Тарту, Вы- хма 42/5, 46	50-й БАП Хаапсалу 43/3, 46	63-й БАП Куусику 44/4, 48	38-й ИАП Таллин, 61/16, 52
6-я САД 109б.+ 96и., 205 эк.	31-й БАП Митава, Платоне 56/8, 43	40-й БАП Виндава, Пилтене 54/11, 47	21-й ИАП Рига 64/8, 53	148-й ИАП Либава 68/9, 36
7-я САД 88б.+ 92и., 132 эк.	9-й БАП Паневежис 55/3, 47	46-й БАП Шауляй, Грузджай 56/?, 42	10-й ИАП Шауляй, Немакшай 55/21, 50	238-й ИАП Паневежис 30/?, 9
8-я САД 64ш.+ 128и., 132 эк.	15-й ИАП Каунас, По- цунай 84/? 56	31-й ИАП Каунас, Кармелава 53/?, 54	61-й ШАП Кейданы, Макштава 66/2, 57	240-й ИАП Россиены 13/? 8
57-я САД 39б.+ 107и., 137 эк.	54-й БАП Вильнюс, Кивишки 55/10, 54- 28?	42-й ИАП Ораны, Перлоя 79/13, 59- 31?	49-й ИАП Двинск- Ликсна 63/?, 61	237-й ИАП Ораны 13- 27?, 13

Примечания:

– числа в столбце дивизий обозначают: число исправных самолетов-бомбардировщиков + число исправных самолетов-истребителей, число боеготовых экипажей; все данные из Оперсводки штаба ВВС ПрибОВО по состоянию на 21 июня 1941 г.;

– числа в графах авиаполков обозначают: число самолетов/в т.ч. неисправных, число летных экипажей; данные приведены из документов соответствующих полков и авиадивизий, арифметическая сумма самолетов и экипажей по полкам не совпадает с данными в столбце дивизий;

– названия населенных пунктов соответствуют принятым в документах 41-го года: Митава (ныне Елгава), Виндава (ныне Вентспилс), Либава (ныне Лиепая), Кейданы (ныне Кедайняй), Россиены (ныне Расейняй), Ораны (ныне Варена), Двинск (ныне Даугавпилс).

Как и во всех подобных случаях, цифры, представленные в Таблице 1, могут служить лишь для самой общей, ориентировочной и минимальной (!) оценки реальной численности группировки советских ВВС. Установить что-либо точно едва ли возможно в принципе. Разные документы, иногда составленные в один и тот же день, но в разных командных инстанциях, или выпущенные одним штабом, но в разные дни с интервалом в пару недель, дают количественные показатели, расходящиеся на 20, 30 и более процентов. Учет боевых

самолетов – сложной, дорогостоящей и крайне дефицитной на войне техники – был поставлен хуже, чем учет стреляных гильз в стрелковом тире. Как всегда, основную путаницу в отчетность вносит огромное количество «истребителей старых типов», которые командование авиачастей поспешило перестать считать боевой матчастью, лишь только на горизонте замаячила надежда на получение новых «мигов» и «яков». Соответственно, в разных документах, относящихся к 57-й САД, можно найти и 168, и 107 истребителей; в 8-й САД числятся и 316, и 215, и 192 самолета. А потом еще появляются какие-нибудь *«находящиеся на консервации 21 И-15 бис»* и *«13 лучших самолетов СБ накануне войны были переданы из дивизии в летную школу»*. (20)

В Оперативной сводке № 2 штаба 57-й САД от 20.00 20 июня 1941 г. утверждается, что *«неисправных самолетов следующее количество: 42-й ИАП – нет, 49-й ИАП – 5,54 БАП-й – 10»*. (21) На следующей странице этого же документа сообщается, что *«к исходу дня в состоянии боевой готовности 57 истребителей»*. Сводка № 3 (к 12.00 21 июня) констатирует, что *«в боевом составе и обеспеченности САД боеприпасами и ГСМ [изменений] нет»*. (22) Задача для первокурсника: сколько всего самолетов-истребителей было в дивизии, если 57 исправны и 5 числятся неисправными? Оперативная сводка № 03 штаба ВВС ПриОВО (составлена в 17.00 21 июня) сообщает, что в 57-й САД только в перечне «исправной материальной части» числятся 107 самолета.

тов-истребителей. (23) Судя по подписанному 2 августа – т.е. уже после разгрома дивизии – отчету «Итоговые сведения о боевой работе частей 57-й САД», 21 июня *«матчасть дивизии состояла из 210 боевых самолетов»*, в том числе 134 истребителей. (24) Хорошо известный специалистам статистический сборник «Советская авиация в ВОВ в цифрах» со ссылкой на документы архивного фонда Главного штаба ВВС Красной Армии сообщает, что только в составе двух истребительных полков 57-й САД по состоянию на 1 июня 1941 г. числилось 150 исправных и 18 неисправных самолетов. (25) И так далее...

Надеюсь, внимательный читатель уже заметил и оценил номера приказов и оперативных сводок, выпущенных 20—21 июня 1941 г. Не менее интересно и их содержание:

«Приказ № 1/ОП, штаб 7 САД, Шауляй, 20.6.41 г.

1. Сего числа штаб дивизии с зимних квартир г. Елгава перебазируется на ЗКП (запасной командный пункт) – лес 5 км ю-в. г. Шауляй... По каждому отделу и службе на ЗКП иметь минимальное количество документов секретного делопроизводства для обеспечения работы по особому заданию. Отделу кадров личные дела не брать...» (32)

«Исх. № 03, 21.6.41 г. Начальникам штабов полков

1. На основании табеля срочных донесений штаба ВВС ПрибОВО устанавливаю следующий порядок представления донесений...

2. В оперативных сводках освещать следующие вопросы в установленном порядке:

- а) характер боевых действий или боевой подготовки;
- б) потери и израсходование боеприпасов...

Начальник штаба 8 САД полковник Глухов

21.6.41 г.» (34)

«Оперативная сводка № 2, штаб 57 САД, Вильнюс, к
20.00 20.6.41

57 САД в течение 20.6 продолжала маскировку самолетов, подвозку боеприпасов и горючего на оперативные аэродромы... На аэродромах Ораны, Крыжаки, Двинск по одной [эскадрильи] находится в состоянии боевой готовности...» (21)

«Оперативная сводка № 01 к 17.00 20.6.41 г., штаб ВВС
ПрибОВО, Паневежис

1. Части ВВС в течение 20.6.41 г. производили перебазирование на оперативные аэродромы, рассредоточение и маскировку матчасти на аэродромах.

2. Боевых действий в течение 20.6.41 г. части ВВС не производили (эта фраза вычеркнута пером; ниже теми же чернилами вписано: «В каждом полку находится по одной эскадрильи в готовности № 2, остальные занимаются боевой подготовкой»).

3. Части ВВС дислоцируются... (далее идет перечень пол-

ков и аэродромов, эта информация отражена выше в Таблице № 1).

4. Части ВВС рассредоточены на оперативных аэродромах в боеготовности № 2 (эта фраза многократно зачеркнута пером, вместо нее вписано «содержится по одной эскадрильи полка»).

Начальник штаба ВВС ПриБОВО комбриг Крупин
начальник оперативного отдела подполковник Корепанов» (26)

«Оперативная сводка № 02 к 5.00 21.6.41 г., штаб ВВС ПриБОВО, Паневежис

1. Части ВВС в течение ночи 21.6.41 г. боевых действий не производили, в каждом полку по одной эскадрилье находится в боевой готовности № 2. Остальные занимаются боевой подготовкой.

2. Дислокация частей без изменений (см. сводку № 01)
Начальник штаба ВВС ПриБОВО комбриг Крупин
начальник оперативного отдела подполковник Корепанов» (27)

Оперсводка № 03 к 17.00 21 июня фактически повторяет по содержанию предыдущую. Изменений в дислокации частей нет, матчасть маскируется на аэродромах, «в каждом полку одна эскадрилья находится в положении дежурства в готовности № 2». (28)

Никаких сенсаций. Боевых действий 20 и 21 июня не было. Правда, эта констатация не представлялась столь однозначной тогда, когда штаб ВВС Северо-Западного фронта (которому запретили называть себя «фронтом» в письменных документах) занял предназначенное ему по Плану прикрытия место на полевом командном пункте в лесу у Паневежиса.

Следующая по счету (правильнее сказать – следующая из сохранившихся в архивном фонде Управления ВВС Северо-Западного фронта) Оперативная сводка, подписанная комбригом Крупиным и подполковником Корепановым, выпущена в 19.00 22 июня. Вопреки простой логике, она имеет номер... 03, хотя должна была бы быть по меньшей мере четвертой, а с учетом весьма вероятного наличия утренней сводки за 22 июня (как-никак, но в это утро случилось событие, заслуживающее упоминания) – пятой. Но и это еще не все! Третья Оперсводка № 3 была выпущена в 8.00 24 июня, причем подписали ее другие лица и в другом месте. Третья сводка № 3 составлена в Риге, подписана заместителем начальника штаба полковником Рассказовым и начальником оперативного отдела штаба полковником Самохиным, причем этот штаб называет себя «штаб ВВС СЗФ». Вечером 24 июня находящийся в Паневежисе (по крайней мере, так написано в документе) штаб комбрига Крупина, на этот раз также называющий себя штабом ВВС фронта, выпускает Оперсводку № 06, а «рижский штаб полковника Рас-

сказова» выпускает Оперсводку с таким же номером и тоже от имени «штаба ВВС фронта» в 20.00 26 июня...

Что это было? Понятно, что вся эта дикая путаница в документах отражает процесс формирования Северо-Западного фронта на базе штаба и войск Прибалтийского ОВО в ситуации, когда запланированный в Москве график был сорван внезапным вмешательством Берлина. Однако сама процедура этого создания вызывает множество вопросов. Почему-то нарушена с точностью «до наоборот» география дислокации штабов. Вынесенная на передовой (в лесу у Паневежиса) командный пункт структура называет себя «штаб ВВС округа», в то время как оставшаяся в тылу, в месте предвоенной дислокации штаба округа (г. Рига), структура называет себя «штаб фронта». Нарушена нормальная субординация: в военное время штаб фронта «выше» штаба округа (т.е. фактически тыловой структуры), однако комбриг (что соответствует генерал-майору) Крупин и командующий генерал-майор Ионов вплоть до утра 23 июня подписываются как начальники ВВС **ОКРУГА**, а полковник Рассказов в должности заместителя начальника штаба подписывает документы штаба **ФРОНТА**. Странно и то, что «штаб ВВС округа» выпускает Оперсводки значительно чаще, чем «штаб ВВС фронта», хотя на войне должно было бы быть точно наоборот.

Конечно, возможным объяснением всего этого может быть один только крайне низкий уровень делопроизвод-

ственной культуры штабов Красной Армии того времени. И все же трудно не заметить того, как названные выше генералы и полковники оказались втянуты в некую, затеянную в Кремле «игру», конкретный смысл которой им так никто и не объяснил. В любом случае ясно одно – применительно к Прибалтийскому округу ни о каком «внезапном нападении на мирно спящие аэродромы» не может быть и речи. По меньшей мере за два дня до фактического начала боевых действий части ВВС были приведены в состояние повышенной боеготовности, рассредоточены на оперативных аэродромах, получили приказ рассредоточить и замаскировать боевую матчасть. Дежурство в готовности № 2, о чем доложено в Оперативных сводках за 20—21 июня, – это готовность к взлету по тревоге в течение 3—4 минут. Неожиданным и внезапным в такой ситуации может считаться только тот сокрушительный разгром, который случился с ВВС Северо-Западного фронта.

1.2. Первый удар

Первый удар в полосе Прибалтийского ОВО (как, впрочем, и на других участках советско-германского фронта) нанесли немцы. В предрассветной дымке утра 22 июня, под теплым летним дождиком сотни боевых самолетов 1-го Воздушного флота Люфтваффе оторвались от взлетных полос аэродромов Восточной Пруссии и взяли курс на северо-восток.

В составе 1-го Воздушного флота была достаточно мощная группировка бомбардировочной авиации: 8 авиагрупп (не считая т.н. «береговую» группу KGr-806, оперативно подчиненную командованию флота и в боевых действиях в Прибалтике в июне 41-го участия не принимавшую), на вооружении которых числилось 240 «Юнкеров-88», из них в боеспособном состоянии находилось порядка 192 машин (80%). Как видим, характерной особенностью бомбардировочных сил 1-го В.ф. был высокий (по меркам Люфтваффе образца 41-го года) процент боеготовности и полная однотипность боевых машин, причем этим единственным типом был лучший на тот момент немецкий бомбардировщик Ju-88.

Истребительные силы 1-го В.ф. состояли из трех авиагрупп эскадры JG-54 и одной группы (II/JG-53) 53-й эскадры (судя по большинству источников, группа была непол-

ной – только две, 4-я и 5-я, эскадрильи). В общей сложности на приграничных аэродромах Восточной Пруссии базировалось 164 самолета-истребителя (131 в боеготовом состоянии), причем все «мессера» были последней модификации Bf-109F. Кроме того, в т.н. «сувалкском выступе», на аэродромах Сувалки, Соболево, Бержники разворачивались истребительные части 2-го Воздушного флота, всего пять авиагрупп: III/JG-53, II/JG-52, II(Sch.)/LG-2, штаб и две группы (II/JG-27, III/JG-27) 27-й эскадры.

В целом надо отметить, что такой концентрации авиационных сил, как в полосе между Тильзит и Сувалки, не было более нигде на всем протяжении Восточного фронта. И хотя 2-й Воздушный флот (включая названные выше четыре истребительные группы) был оперативно подчинен командованию Группы армий «Центр», в первые дни войны его авиагруппы, действуя на стыке Западного и Прибалтийского округов (т.е. Западного и Северо-Западного фронтов Красной Армии), также приняли участие в сражении, развернувшимся в небе и на аэродромах Южной Литвы.

Силы в распоряжении командования Люфтваффе были значительные, однако использованы в первые часы войны они были весьма слабо («слабо» в сравнении с тем, как действовали в тот день германские ВВС в небе Белоруссии). В полдень 22 июня Разведсводка № 03 штаба Северо-Западного фронта констатирует дословно следующее: *«Противник еще не вводил в действие значительных Военно-воздушных*

сил, ограничиваясь действием отдельных групп и одиночных самолетов». (35) Утром (в 8.10) того же дня удивление от неожиданного отсутствия в воздухе ожидаемых тысяч вражеских самолетов материализовалось в следующем приказе: *«Из Риги. Командиру 7 САД. Вручить немедленно. Командующий приказал беречь истребительную авиацию для отражения мощного налета авиации противника. Расходовать бережно. Ожидается налет большой группы...»* (36)

Во второй половине дня 22 июня оценка численности введенной в бой авиации противника несколько конкретизировалась. Полковник Самохин (из «рижского штаба») докладывает по телеграфу (адресат на бланке телеграммы не указан) следующее: *«Противник с 4.15 до 13.00 группами до 40 самолетов и одиночными самолетами общим количеством свыше 150 самолетов подверг атаке аэродромы...* (далее следует перечень)». (37) Вполне возможно, что в суматохе первого дня войны не все пролеты вражеской авиации были зафиксированы, не все донесения поступили в штаб ВВС фронта, и указанная выше цифра должна быть увеличена в 2—3 раза, но и при таком допущении получается, что немцы (с учетом действовавших в полосе С-З.ф. частей 2-го Воздушного флота) выполнили в среднем за день не более одного вылета на исправный самолет.

Не впечатляют и отмеченные в документах советских штабов результаты первых налетов противника. Оперсводка № 1/ОП «рижского штаба» ВВС фронта к 17.00 22 июня

фиксирует лишь следующие потери: *«Осколками бомб и пулеметным огнем на земле уничтожено до 35 и повреждено до 27 самолетов (подчеркнуто мной. – М.С.). Убито 3 и ранено 11 человек военнослужащих, убито 8 и ранено 7 строительных рабочих. В воздушных боях при отражении налетов противника сбито 9 наших самолетов...»* (38) Сходные цифры названы и в Оперсводке № 03/ОП к 19.00 22 июня, выпущенной «лесным штабом в Паневежисе» за подписью начальника штаба ВВС округа/фронта комбрига Крупина: *«Общие потери за 22.6.41 по ВВС ПрибОВО: 35 бомбардировщиков, 30 истребителей; убито 5, ранено 45. Потери уточняются».* (39)

2-9

СЕРИЯ "Г"
экз. № 1

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА № 03 к 17.00 21.6.41 ШТАБА ВВС ПРИБОВО
НАНЕВЕТИС. КАРТА 1:500000. *Ан 3*

1. Части ВВС в течение 21.6.41 г. занимались боевой подготовкой и маскировкой материальной части на аэродромах. В каждом полку одна эскадрилья находится в положении дежурства в готовности № 2.

2. Изменений дислокации частей ВВС нет.

3. Боеготовых экипажей: и наличие исправной

материальной части:

боевых экипажей:	исправной матчаст
✓ 4 сал. истребителей	✓ 43

Оперативная сводка штаба ВВС Прибалтийского ОВО, вечер 21 июня 1941 г.

Со всеми оговорками о том, что эти сведения нуждаются в уточнении, вполне очевидно, что никакого «разгрома авиации на земле» штаб ВВС фронта не зафиксировал. Общее количество выведенных из строя самолетов (причем многие из них еще оставались ремонтно-пригодными!) – **меньше одной десятой от исходной численности**. Примечательно, что даже немцы (Журнал боевых действий Группы армий «Север», запись от 22 июня 1941 г.), многократно завышавшие – как всегда и везде это бывало – количество самолетов

противника, уничтоженных в воздухе и на земле, отнюдь не поспешили отчитаться о полном уничтожении авиации Прибалтийского округа: *«Из предполагавшихся в этом районе 750 самолетов противника 185 были уничтожены»*. (60)

Ответный удар бомбардировочной авиации Северо-Западного фронта не заставил себя долго ждать. В этой истории еще много неясного, некоторые обстоятельства событий уточнить уже не удастся никогда (как по причине утраты многих документов фронта, так и в силу крайней противоречивости, а порой и иррациональности действий высшего военно-политического руководства СССР), однако общий вывод можно обозначить уже сейчас: такого удара, какой нанесли противнику бомбардировщики Прибалтийского ОВО, немцы 22 июня 1941 г. не получили ни на одном другом участке Восточного фронта.

С этого места наше изложение начнет еще более удаляться от классической версии советской историографии, в рамках которой на «мирно спящих аэродромах», разрушенных сокрушительным внезапным ударом немецкой авиации, у горящих обломков самолетов собрались необученные мальчишки «с налетом 5 часов «по коробочке»; мальчишки рвутся в бой, но зловещие «бериевские сатрапы», размахивая пистолетом ТТ, требуют соблюдать некий «запрет Сталина» и огонь по противнику не открывать. Реальность была гораздо сложнее.

1 апреля (так уж получилось) 1941 г. начальник 1-го Управления ГУ ВВС Красной Армии Никитин подписал «Краткие выводы о боевой подготовке частей бомбардировочной авиации». (41) Этот документ, а также немногие сохранившиеся архивные фонды полков позволяют конкретно оценить уровень летной подготовки экипажей ВВС Прибалтийского ОВО. Так, в 9-м БАП (7-я САД, аэродром Паневежис) средний налет летчика на бомбардировщике СБ составлял 150 часов. У командного состава летная практика была гораздо выше. Командир полка майор М.И. Скитев налетал на СБ (не считая налет на всех предыдущих учебных и боевых машинах!) 293 часа, у командиров эскадрилий налет на СБ составлял, соответственно, 326, 210, 243, 255, 268 часов. Такие вот «желторотые птенцы»...

Здесь стоит отметить одну важную особенность бомбардировочной авиации того времени. Если воздушный бой истребителей – несмотря на всю значимость выбора оптимальной тактики групповых действий и взаимной поддержки в бою – в конечном итоге распадался на отдельные схватки, в каждой из которых летчик-истребитель должен был стрелять и маневрировать индивидуально, то т.н. «горизонтальные» бомбардировщики действовали иначе. Определение объекта атаки, прокладка маршрута, выбор оптимальной высоты, скорости, противозенитного маневра, направления захода на цель – все эти задачи, в абсолютном большинстве случаев, решались на уровне командира эскадрильи, если не коман-

дира полка. От рядового летчика требовалось взлететь, занять указанное ему место в группе, от группы не отрываться, по сигналу ведущего нажать на кнопку сброса бомб. 150 часов учебно-боевого налета для выполнения такого задания было вполне достаточно.

У пилотов 40-го БАП (6-я САД, аэродром Виндава) средний налет на бомбардировщике СБ составлял 170 часов. Налет командиров эскадрилий: 300, 441, 400, 460, 353 часа. 10 экипажей в 9-м БАП и 6 экипажей в 40-м БАП были подготовлены к ночным полетам (хотя такой режим боевого применения для легкого фронтового бомбардировщика СБ мог считаться редкой экзотикой). Все указанные выше цифры относятся к состоянию на конец марта – начало апреля 1941 г. С наступлением теплого времени года летная учеба заметно активизировалась. Так, в 40-м БАП за май 1941 г. было проведено 196 учебных бомбометаний, 196 воздушных стрельб, 895 учебных полетов с общим налетом 871 час. (40)

В пересчете на одного летчика (а в 40-м БАП накануне войны числилось 47 боеготовых экипажей) это дает 18,5 часа налета и 4,2 бомбометания за месяц. Особо радоваться тут нечему, в боевых условиях, даже из расчета весьма скромного напряжения 1 вылет в день, бомбардировщикам предстояло летать (и тем паче – бомбить) больше и чаще. Суворовское правило («тяжело в учении – легко в бою») было, к сожалению, забыто. Однако, по меркам советских ВВС, такая учебно-боевая подготовка могла считаться вполне приемле-

мой (напомню, что приказом наркома обороны налет на одного летчика ВВС Красной Армии был установлен в размере 160 часов в год). Неплохо смотрелся 40-й БАП и на фоне «южного соседа» – в лучшей по уровню боевой подготовки авиадивизии Западного ОВО (13-я БАД) в мае 1941 г. один экипаж в среднем налетал 14 часов и выполнил 3 бомбометания.

Как и следовало ожидать, большинство (6 из 8) бомбардировочных полков Прибалтийского ОВО имели опыт участия в реальных боевых действиях «зимней» советско-финляндской войны. Совершенно незаурядным был боевой опыт 50-го БАП (4-я САД, аэродром Хаапсалу). За время «зимней войны» этот полк выполнил 2321 самолето-вылет, а на личный состав обрушился подлинный «звездный дождь» – звания Герой Советского Союза были удостоены десять (!) человек, включая командира, комиссара и трех командиров эскадрилий. (40) 54-й БАП (57-я САД, аэродром Вильнюс) после финской войны получил звание «Краснознаменный», 201 человек (это не опечатка – 201) из личного состава полка был награжден орденами и медалями. (42)

Рано утром 22 июня 1941 г. бомбардировочные части ВВС Северо-Западного фронта получили приказ начать боевые действия. Насколько «рано» и по чьей команде – на эти простые вопросы все еще трудно дать точный и исчерпывающий ответ.

Как известно, на самом верхнем эшелоне военно-политического руководства страны вплоть до момента фактического начала войны так и не было принято решение о введении в действие Плана прикрытия. Вместо этого поздним вечером 21 июня был утвержден Сталиным и отправлен в войска за подписями наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Жукова печально знаменитый документ, вошедший в историю под названием «Директива № 1». Та самая, где приказ *«не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения»*, сочетался с требованием *«быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев»*. Отличить «провокацию» от «внезапного удара» предстояло теперь командованию округов/фронтов, причем в ситуации жесточайшей нехватки времени и с весьма вероятным арестом и расстрелом в случае ошибки.

С другой стороны – и это крайне важно отметить, – командование округов еще до 21 июня получило некие указания из Москвы; те самые, по сей день не опубликованные директивы, в соответствии с которыми в «мирное время» были развернуты фронты, фронтовые управления выведены на полевые командные пункты, а в оперативных сводках с номерами 1, 2, 3 появились фразы «части боевых действий не вели». Скорее всего, командующие фронтами «в части их касающейся» были ознакомлены и с общей стратегической задачей, для решения которой разворачивалась огромная ар-

мия. Так что требование «не поддаваться на провокации» было отнюдь не единственным указанием, поступившим в последние предвоенные дни в штабы округов/фронтов.

В штабе Северо-Западного фронта Директиву № 1 «разгадали» следующим образом: в 2.25 за подписью командующего фронтом генерал-полковника Ф.И. Кузнецова была направлена директива (б/н) Военным советам 8-й и 11-й армий (соответственно, в Шауляй и Каунас), в которой, в частности, были поставлены такие задачи:

«1... В случае провокационных действий немцев огня не открывать. При полетах над нашей территорией немецких самолетов не показываться и до тех пор, пока самолеты противника не начнут боевых действий, огня не открывать.

2. В случае перехода в наступление крупных сил противника разгромить его...

8. Средства и силы противовоздушной обороны привести в боевую готовность номер один, подготовив полное затемнение городов и объектов...» (46)

Если и не во все, то во многие соединения ВВС фронта соответствующие указания поступили в течение ближайшего часа. «57 САД в 3.25 22.6.41 объявила боевую тревогу и к 4.00 была в готовности для выполнения боевых заданий...» (43) Это строка из Оперсводки штаба 57-й САД от 10.00 22 июня; возможно, в других соединениях ВВС фронта боевая тревога была объявлена еще раньше, но среди вы-

явленных мной документов эта запись фиксирует хронологически самый ранний момент объявления боевой тревоги. Судя по Оперативной сводке № 1 штаба 241-го ШАП (формирующийся на аэродроме Митава штурмовой авиаполк 7-й САД), полк в составе 15 экипажей к 4.00 находился уже в готовности № 2. (44) С учетом времени, необходимого для приведения авиачасти в такое состояние (готовность к взлету через 3—4 минуты после получения соответствующей команды), можно предположить, что 241-й ШАП не был «мирно спящим» по меньшей мере с 3.30 22 июня.

В 4.15 22 июня появляется первый (опять же первый из найденных мною, а не самый первый из бывших в реальности) боевой приказ. На листке бумаги из школьной тетради в клеточку карандашом, довольно неразборчиво, написано:

«Командирам полков.

1. Иметь рассредоточенными самолеты с возможностью немедленного взлета по сигналу.

2. Иметь в готовности [неразборчиво] по уничтожению наземных войск противника и авиации противника [неразборчиво] на нашу территорию.

Границу не нарушать. Быть готовым по уничтожению наземных войск противника на участке [неразборчиво] – Тауруген.

Командир 7 САД полковник Петров». (45)

В обнаруженном М.Тиминым «Журнале учета приказов

7-й САД» первая запись относится ко времени 4.40 22 июня. Командующий ВВС округа/фронта приказал командиру дивизии *«противника уничтожить»* (предшествующая часть фразы не сохранилась). Через 13 минут, в 4.53, уже командир 7-й САД отдает приказ командирам бомбардировочных полков дивизии (9-й БАП и 46-й БАП): *«Уничтожить группировку противника и авиацию в районе Тильзит, Рагнит, Жиллен* (все пункты на территории Восточной Пруссии, т.е. ограничение «границу не нарушать» было снято через несколько минут после первых бомбовых ударов немецкой авиации. – М.С.). *Вылет немедленно»*. В то же самое время (около 4.40) командующий ВВС фронта генерал-майор Ионов отдал приказ командиру 4-й САД нанести удар силами трех (!) бомбардировочных полков по городу и порту Мемель. (40)

Документального подтверждения того, что ранним утром 22 июня 1941 г. командиры частей и соединений ВВС Прибалтийского ОВО получили приказ (разрешение) вскрыть «красные пакеты», пока не найдено. С другой стороны, элементарный здравый смысл подсказывает, что «вылет немедленно» с задачей бомбить объекты на сопредельной территории мог быть организован и осуществлен только по заблаговременно, еще в довоенный период, разработанным планам. Иначе, экспромтом за 20—30 минут, такая операция подготовлена быть не может.

Весьма примечательно и намерение (сразу же отметим,

что практически оно не было реализовано) бомбить Мемель, да еще и с привлечением к этому столь значительных сил (три бомбардировочных полка). Утром 22 июня немецкий флот в полосе Прибалтийского ОВО никаких активных действий не предпринимал, десантов не высаживал, прибрежные районы не обстреливал. Приказ нанести удар по порту Мемеля не мог появиться как поспешная реакция на реально складывающуюся обстановку, и постановка такой задачи объяснима лишь в рамках гипотезы о том, что командование ВВС Северо-Западного фронта самостоятельно приняло решение действовать по Плану прикрытия, в котором – наряду со стандартными для всех ПП округов задачами (*«последовательными ударами по установленным базам и боевыми действиями в воздухе уничтожить авиацию противника и завоевать господство в воздухе... ударами по ж/д узлам и мостам нарушить и задержать сосредоточение войск»*) – было прямо записано: *«разрушить порт Мемель»*. (12)

В 5 часов утра 22 июня 1941 г. 5-я эскадрилья **9-го БАП** под командованием капитана М.А. Кривцова (награжден орденом Красного Знамени после финской войны) поднялась в воздух и взяла курс на Тильзит. Так начался первый, самый первый в той страшной четырехлетней войне удар советской авиации по объектам на территории Германии. В далекой Москве в это время еще только будили Сталина и его ближайших соратников (судя по «Журналу посещений», со-

вещание в кабинете Сталина началось в 5.45).

Действовал капитан Кривцов тактически весьма грамотно (что, кстати, может служить еще одним косвенным подтверждением того, что налет осуществлялся в соответствии с тщательно продуманной довоенной «заготовкой») – эскадрилья летела не по кратчайшей прямой, а сделав большой крюк в направлении Сувалок, и вышла на цель с неожиданной для немецких зенитчиков стороны; внезапности удара способствовала и достаточно большая (по меркам тактической фронтовой авиации) высота полета – 7500 метров. (40)

И в тот самый момент, когда девятка СБ, разгоняясь в полном пикировании, выходила на «боевой курс», из Москвы в штаб Северо-Западного фронта полетели новые указания. Скупая запись в «Журнале учета приказов 7-й САД» свидетельствует об этом, отнюдь не скупом на эмоции, эпизоде войны: *«6.15. Комбриг Крупин – командиру 7 САД. Госграницы не нарушать. Уничтожат самолеты противника в своем районе. Вылетевшие самолеты по радио посадить на аэродромы»*. Комбриг Крупин (начальник штаба ВВС фронта) всего лишь выполнял указания еще более высокого начальства. В донесении командующего СЗФ наркому обороны СССР от 6.10 22 июня 1941 года читаем: *«Наши военно-воздушные силы в воздухе. До получения Вашего приказа границу не перелетать я получил через генерала Сафронова Ваш приказ самовольно границу не перелетать. Принял меры, чтобы бомбить противника, не перелетая границы...»*

По воспоминаниям одного из участников первого налета, капитан Кривцов получил по радио «стоп-приказ» в тот момент, когда самолеты его эскадрильи уже находились на «боевом курсе» с открытыми бомболюками! Командир эскадрильи сначала закрыл было люки, но через несколько секунд принял окончательное решение и вместе со своими подчиненными обрушил бомбовый груз на железнодорожную станцию Тильзит. В 7.10 эскадрилья, не потеряв ни одного самолета, вернулась на аэродром Паневежис. Не столь удачным оказался первый боевой вылет для двух других эскадрилий 9-го БАП – во время бомбового удара по скоплению немецких войск в районе Тильзит их встретил мощный огонь немецких зениток; три самолета были сбиты. (40) Очень короткой оказалась война для экипажей лейтенанта Воронина, старшего лейтенанта Богомолова и капитана Короткова...

В подготовленной 23 июня «Сводной оперсводке № 01» штаба 9-го БАП первый удар бомбардировщиков полка описан так: *«22.6 произвели 22 самолето-вылета (судя по другим документам, в утреннем вылете принимали участие 25 самолетов. – М.С.) по ж/д станции Тильзит и скоплению войск в районе Тильзит с Н=4000 метров. Сброшено 132 ФАБ-100. Станция Тильзит горит. Над целью обстреляны зенитной артиллерией. Не вернулись 4 экипажа. Причина невозвращения самолетов с боевого задания выясняется...»*

Аэродром базирования 9-го БАП находился рядом с Паневежисом, т.е. в десятке километров от полевого командного пункта Северо-Западного фронта и штаба ВВС фронта. Возможно, этим и объясняется тот факт, что именно 9-й БАП первым поднялся в воздух для нанесения удара по объектам в Восточной Пруссии. Не менее важно отметить и другое значимое обстоятельство – 9-й БАП действовал столь активно в ситуации, когда его аэродром стал объектом одного из самых первых и самых успешных (для противника) налетов немецкой авиации.

Как и всегда в подобных случаях, данные, приведенные в различных документах, не совпадают друг с другом и имеют явную тенденцию к возрастанию «от сводки к сводке». Так, выше уже упомянутая Разведсводка № 03 штаба СЗФ к 12.00 22 июня сообщает, что *«в 4 часа 55 минут 5 самолетов бомбардировали аэродром Паневежис»*. (35) М.Тимин в своей статье (40), ссылаясь на документы 9-го БАП, пишет, что *«в 4.30 дюжина двухмоторных бомбардировщиков Люфтваффе атаковала полковой аэродром; бомбежка длилась около 15 минут»*. Командир 7-й САД полковник Соловьев в донесении (б/н, время не указано, не ранее 12.00) начальнику штаба ВВС фронта докладывает: *«Противник произвел удары по аэродромам Шауляй, Груздзяй, Паневежис; части рассредотачиваются. В результате налета на аэродромах убито 2 чел., раненых – 11. Потери самолетов в воз-*

душном бою...» (49) О потерях самолетов на земле ничего не сказано.

Однако в следующей «Сводке по 7-й САД за 22.6.41» (также без номера и указания точного времени, составлена, вероятно, в конце дня) за 9-м БАП числится уже 6 самолетов, уничтоженных на земле безвозвратно, и 10 поврежденных! (50) Наконец, «Сводная оперсводка № 01» штаба 9-го БАП, составленная вечером 23 июня, описывает наземные потери полка так: *«На аэродроме Паневежис 22.6. сгорело 7 СБ, повреждено 14 СБ, из них введено в строй 5. Убиты 1 штурман и 1 техник, ранено 8 чел., в т.ч. 2 техника... Всего в строю 22 самолета и 38 экипажей»*. (48) С простой арифметикой такие цифры категорически не согласуются: после потери 4 (или даже 5) самолетов в воздухе и 16 на земле в полку должно было оставаться по меньшей мере 30 исправных СБ...

Для другого бомбардировочного полка 7-й авиадивизии (46-й БАП) первый день войны стал началом быстрого и сокрушительного разгрома. Примерно через час (в 5.40) после получения приказа командира 7-й САД (*«уничтожить группировку противника и авиацию в районе Тильзит, Рагнит, Жиллен; вылет немедленно»*) три эскадрильи 46-го БАП, одна за другой, поднялись в воздух. За 10 минут до этого (в 5.30) командир 7-й САД отдал приказ командиру истребительного полка дивизии (10-й ИАП) *«одной девяткой*

прикрыть вылет 46 БАП». Учитывая, что противник, разбуженный к тому времени бомбовым ударом по Тильзиту, уже вполне «проснулся», такой наряд сил накрытие трех эскадрилий бомбардировщиков был явно недостаточным, однако фактически ни один (из 34 исправных) истребитель 10-го ИАП на сопровождение не вылетел. Дальнейшие события описаны в Оперативной сводке № 1 штаба полка следующим образом:

«Доношу, что в 6.40/6.45 22.6.41г. 2-я и 3-я эскадрильи 46 БАП произвели бомбометание в количестве 18 самолетов. 2-я АЭ уничтожила скопление войск в районе Тильзит, Тауруген, Н=3600 м. Во время бомбометания во 2-й АЭ не вернулось 5 самолетов СБ с экипажами. Всего сброшено бомб: 36 ФАБ-100 и 18 ФАБ-50. 3-я АЭ разрушила ж/д станцию Жиллен (ныне Жилино, 17 км к югу от Тильзита. – М.С.) с Н-3500 м, из полета не вернулось 5 экипажей. Сброшено бомб: 36 ФАБ-100 и 18 ФАБ-50». (40)

Аналогично («не вернулось 10 СБ с экипажами») итог первого боевого вылета отражен и в Боевом донесении (б/н) за 22 июня командира 46-го БАП. (51) В вечерней «Сводке по 7-й САД за 22.6.41» к 10 самолетам, сбитым истребителями противника, добавляются еще 2, сбитых зенитным огнем. (50) Правда, 2 из 12 потерянных СБ смогли дотянуть до своего аэродрома, где совершили аварийные посадки с убитыми стрелками и раненым штурманом одного из экипажей.

(40) Сопоставляя время боевого вылета 46-го БАП с отмеченным в донесениях II/JG-53 временем и местом воздушного боя с советскими бомбардировщиками, можно предположить, что немецкие истребители догнали некогда «скоротные» СБ уже над советской территорией, в районе Немакшай, Россиены (т.е. буквально над одним из аэродромов того самого 10-го ИАП, которому было приказано обеспечить прикрытие!). (367) Благодаря тому, что побоище произошло над своей территорией, семерым членам экипажей сбитых бомбардировщиков удалось спастись и выйти к своим. (40)

Насколько можно судить по документам июня 41-го, одна, но весьма важная победа 46-го БАП осталась просто незамеченной. Стрелок-радист бомбардировщика СБ меткой очередью поразил «Мессершмитт», в кабине которого находился командир группы II/JG-53 многоопытный ас Люфтваффе (воевать он начал еще в Испании) капитан Бретнютц. К 22 июня 1941 г. на его личном счету было 35 побед, но первый день Восточного похода стал для него роковым: Бретнютц был ранен, выпрыгнул с парашютом над советской территорией, попал в плен, затем был освобожден наступающими наземными войсками, доставлен в госпиталь, где и скончался от полученных ранений.

Экипажи еще одной, 5-й, эскадрильи 46-го БАП от разгрома в воздухе спас «стоп-приказ», поступивший в штаб 7-й САД в 6.15 22 июня; эскадрилья развернулась в воздухе и вернулась на свой аэродром в Грузджай. Однако не прошло и

часа, как большая часть благополучно приземлившихся самолетов была уничтожена на земле. Рассказ генерал-лейтенанта В.П. Буланова, встретившего войну штурманом бомбардировщика Ар-2 в 46-м БАП, весьма откровенно описывает этот эпизод:

«В 4.30 нас подняли по тревоге. – Как, что? Ничего не говорят. Около 5 часов дают первое задание: бомбить немцев, форсирующих³ реку Неман в районе Тильзита. Вылетает первая эскадрилья, вылетает вторая – по девять самолетов. Мы вылетаем третьей эскадрильей. Первая девятка отбомбилась, вторая отбомбилась... Мы уже подходили к Неману, и вдруг команда – вернуться... Возвращаемся с полной бомбовой нагрузкой. Садимся (грубейшее нарушение правил производства полетов, садиться с бомбами категорически запрещено, на такой случай у стандартного бомбосбрасывателя есть режим холостого сброса бомб «на невзрыв». – М.С.) Поставили самолеты, пошли завтракать (судя по дальнейшим событиям – заблокировать взрыватели на бомбах перед завтраком забыли. – М.С.) – и тут вдруг пролетает немецкий разведчик, а за ним появляются

³ Слово «форсировать» в данном случае явно неуместно – очертания границы 41-го года не совпадали с нынешней, город Тильзит и полоса правого (северного) берега Немана шириной от 15 до 50 км находились на территории Восточной Пруссии, так что по мостам через Неман в районе Тильзита немцы просто, без боя, переправлялись. Скорее всего, слово «форсировали» появилось тут в результате самоцензуры – удар по сопредельной территории в первые часы войны не вписывался в ту версию истории, к которой за 60 лет привыкли все, включая непосредственных участников событий.

бомбардировщики «Хейнкель-111». Тоже девяткой. Немцы начали бомбить самолетные стоянки, а как отбомбились, прошли на бреющем и по кромке леса стали бить из пулеметов. Они раз сделали заход, прочесали, второй... Немцы отбомбились по цели, часть бомб сбросили в лес и ушли без потерь. Наконец все утихло. Начали мы к аэродрому собираться. Только стали подходить – тут начали наши же бомбы в самолетах взрываться. Мы – обратно деру! Потери в остававшейся на аэродроме технике оказались значительные...» (52)

Спецсообщение 3-го Управления (военная контрразведка) НКО № 2/35552 от 28 июня 1941 г. дает еще более неприглядную картину этих событий:

«Основные потери [7-й авиадивизии] относятся к 46-му БАП и объясняются неорганизованностью и растерянностью со стороны командира полка майора Сенько и начальника штаба подполковника Канунова, приведшим при первом налете противника весь личный состав в паническое состояние. За 22 июня 46-й БАП потерял 20 самолетов, из которых 10 были уничтожены при налете противника на Шауляйском аэродроме, а остальные сбиты при выполнении боевых заданий по бомбардировке войск противника в районе Тильзит и ст. Жиллен. Три девятки самолетов 46-го СБАП на выполнение боевых задач были выпущены без сопровождения своих истребителей. Посты наблюдения не

были организованы, связи с ними штаб полка никакой не имел и не знал об их существовании...» (53)

Судя по упомянутому выше Боевому донесению командира 46-го БАП за 22 июня 1941 г., аэродром Грузджай действительно бомбила в 9.30 группа из 10 бомбардировщиков противника. Отсутствие оповещения, отсутствие зенитного противодействия, а также готовые ко взрыву бомбы на борту самолетов привели к тому, что *«сгорело 9 СБ и 1 Ар-2, повреждено 9 СБ (требуют капитального ремонта), убито 2 и ранено 5 человек»*. (51) Капитального (равно как и любого иного) ремонта поврежденные на аэродроме Грузджай самолеты 46-го БАП так никогда и не дождались – во второй половине дня полк обратился в бегство (да, при желании это можно назвать «перебазированием») и уже к вечеру оказался на аэродроме Румбула, т.е. на правом (северном) берегу Даугавы... (54)

Шесть других бомбардировочных полков ВВС Северо-Западного фронта в первом утреннем ударе не участвовали – в обстановке общей неразберихи их командиры или вовсе не получили соответствующей команды, или не стали спешить выполнять ее, терпеливо выжидая, пока высшее руководство разберется в своих сложных военно-политических «играх».

Тем временем в Кремле, наконец, поняли, что началась война. Результатом осознания этого стала следующая, столь

же печально знаменитая Директива № 2, отправленная в войска в 7.15 22 июня 1941 г. Вот ее текст, от первого до последнего слова:

«22 июня 1941 г. 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке. Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.

Мощными ударами бомбардировочной и истребительной авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100—150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать». (55)

Ни по форме, ни по содержанию Директива № 2 не соответствует уставным нормам составления боевых приказов.

Есть порядок, и в армии он должен выполняться. Текст приказа должен соответствовать не литературным вкусам автора, а ст. 90 Полевого Устава ПУ-39 (*«Первым пунктом приказа дается сжатая характеристика действий и общей группировки противника... Вторым пунктом указываются задачи соседей и границы с ними. Третьим пунктом дается формулировка задачи соединения и решение командира, отдающего приказ...»*)

С позиции этих уставных требований Директива № 2 есть не более чем эмоциональный (если не сказать хуже – истерический) выкрик. «Обрушиться и уничтожить» – это не язык боевого приказа. Столь же излишними являются здесь и рассуждения про «неслыханную наглость противника». Вместо этого подчиненные Тимошенко и Жукова должны были получить конкретные ответы на вопросы: где противник? Каковы его силы? Какими силами, в какой группировке, на каких направлениях на него надо «обрушиться»? Какие рубежи и к какому сроку занять?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.